

Н. П. Матвеева¹, Л. С. Кобелева^{2,3}

¹ Тюменский государственный университет
ул. Ленина, 25, Тюмень, 625003, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

³ Лаборатория «Междисциплинарное изучение
археологии Западной Сибири и Алтая»
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656002, Россия

lilyakobeleva@yandex.ru

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИГРАЦИЙ В ЗАУРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО КЕРАМИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЗАУРАЛЬЯ)*

Публикация посвящена проблемам культурогенеза во II–IV вв. н. э. В Зауралье для этого времени выделены два культурных образования: гунно-сарматский историко-культурный комплекс, сложившийся на позднесарматской основе в степной зоне и формирующаяся бакальская культура в лесостепной, сменившая к середине IV в. предшествующую саргатскую. Исследование на основе изучения керамических коллекций могильников отвечает на вопрос, в какой мере суперстратные компоненты культурогенеза были сходными или различными на данных территориях. Установлено, что неоднократные перемещения кочевников в степной зоне, а также их вторжения в лесостепь привнесли новации в местное гончарство, затронувшие все этапы изготовления керамической посуды. Сделан вывод, что наряду с оригинальными привозными образцами на выпуск нового ассортимента посуды, ее формовку и декор повлияли именно сами переселенцы, оседавшие на окраинах степи, а не только активизировавшаяся в регионе торговля.

Ключевые слова: Зауралье, II–IV вв. н. э., культурогенез, антропология, керамика, технология изготовления.

Неоднократные перемещения кочевников в степной зоне, а также их вторжения в лесостепь на рубеже Древности и Средневековья создали пеструю картину могильников Зауралья, отличающихся друг от друга по особенностям погребального обряда, керамики и вместе с тем – сходных по иному инвентарю. В регионе для этого переходного периода (II–IV вв. н. э.) в настоящее время выделены два культурных образования: гунно-сарматский историко-культурный комплекс, сложившийся на позднесарматской основе [Бо-

талов, Гуцалов, 2000. С. 220] в степной зоне, и формирующаяся бакальская культура в лесостепной [Сальников, 1956. С. 211–214; Викторова, Морозов, 1993. С. 178], сменившая к середине IV в. предшествующую саргатскую.

Исследуя вопрос, в какой мере суперстратные компоненты культурогенеза были сходными или различными на данных территориях, обратимся к керамическим коллекциям из степных и лесостепных некрополей (рис. 1). Анализ форм и технологии

* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект № 12-01-00329).

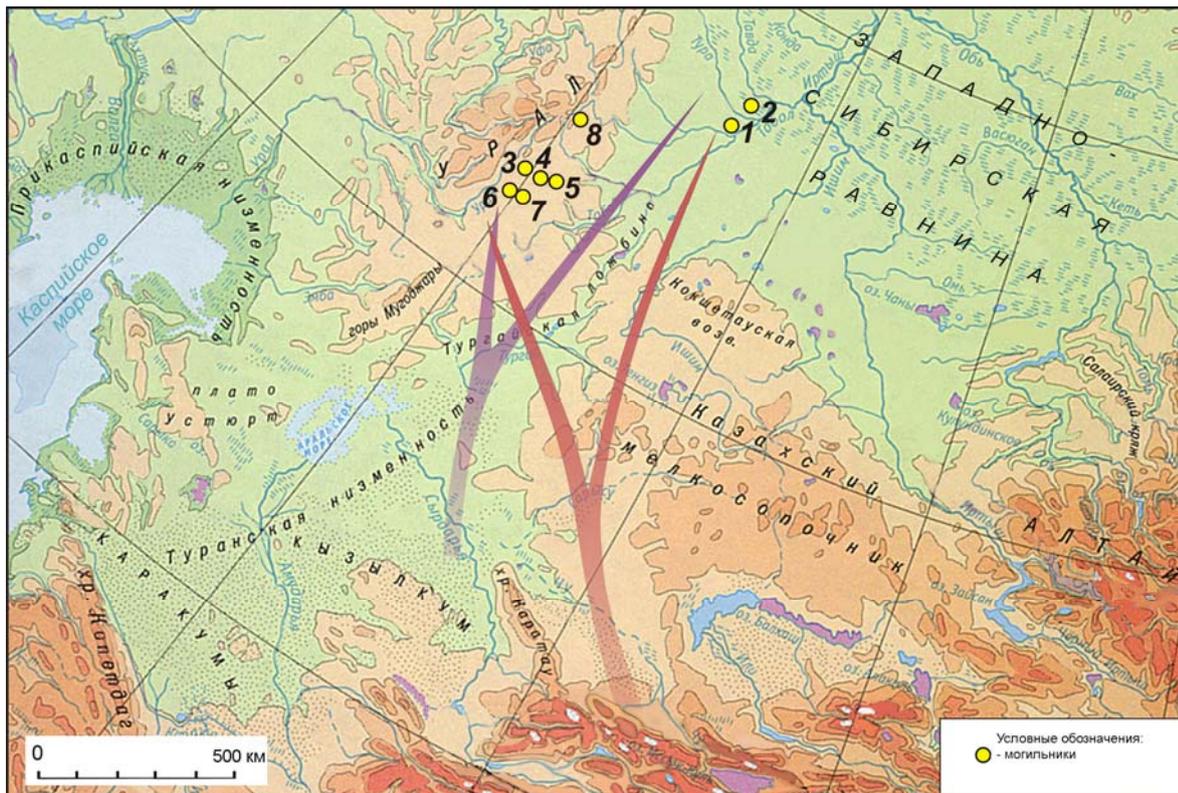

Рис. 1. Могильники степного и лесостепного Зауралья и предполагаемые пути миграций населения эпохи Великого переселения народов: 1 – Устюг-1; 2 – Козлов Мыс-2; 3 – Магнитный; 4 – Солнце-2; 5 – Друженский; 6 – Большекараганский; 7 – Солёный Дол; 8 – Малково

изготовления разнородной посуды шести памятников из Южного Зауралья: Магнитный, Солёный Дол, Малково, Большекараганский, Дружное, Солнце-2¹; был выполнен с использованием бинокулярного микроскопа с тем, чтобы сравнить характеристики керамики с результатами, ранее полученными по лесостепной выборке. Количество обработанных сосудов из музеев Челябинска составило 28 ед.², из музеев Тюмени – 22 ед. [Матвеева, Кобелева, 2013].

Из могильника Солёный Дол, датированного II–III вв. н. э. рассматривались материалы курганов 3 и 10, где были совершены захоронения в прямоугольных узких ямах. Автор интерпретирует их как принадлежащие позднесарматской культурной традиции [Любчанский, 2013. Рис. 10. С. 295]. Из восьми проанализированных сосудов семь экземпляров изготовлены вручную. Это плоскодонные широкогорлые горшки, кувшины и

миска. В формовочных массах присутствуют сравнительно небольшое количество шамота, песок как естественная составляющая глинистого материала, и равномерно распределенные обильные органические добавки в виде мелких белесых включений, обеспечивающие пористость черепка. Один сосуд содержал примесь жженой кости, залощен, видимо – привозной. Интересно отметить наличие преднамеренной кольцевой деформации на всех черепках из погребений и резкое антропологическое различие мужских и женских групп, представленных европеоидами и метисами, имеющими черты слабо выраженной монголоидности соответственно [Китов, 2013. С. 532–533].

Из могильника Магнитный, датированного III в. н. э. [Иванов, Плешанов, 2013. С. 486], рассматривались сосуды из курганов 3 и 21. Определено, что из восьми изученных сосудов пять изготовлены на гончарном круге, несомненно, они являются привозными. Отличаются наличием в качестве отошителя мелких фрагментов жженой кости. Формы импортной посуды разнообразны: кувшин с узким горлом, ваза на поддоне, плоскодонный

¹ Благодарим С. Г. Боталова, И. Э. Любчанского и Н. Б. Виноградова за предоставленную возможность работать с материалами.

² Часть целых форм, находящихся в экспозиции оказалась нам недоступной.

Рис. 2. Керамика из могильников Южного Урала: 1–3 – импортная керамика из могильника Магнитный (1 – курган 21, могила 1; 2 – курган 21, могила 2; 3 – курган 21); 4–7 – технологические особенности местной гончарной традиции могильников степного Зауралья (4 – Солнце-2, курган 20; 5 – Малково; 6 – Малково-5; 7 – Малково, 1958 г.)

горшок, широкогорлые кувшины с ручками на горловине. Керамика без декора, на поверхности двух сосудов зафиксирован ангоб (рис. 2, 1–3). Три экземпляра изготовлены на месте вручную, кроме традиционной добавки в виде шамота, в тесте зафиксирована примесь талька (см. табл.). В опубликованной части коллекции из кургана 3 есть курильница на желобчатом поддоне [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 14, 9].

Все сосуды могильника Малково, датирующегося III–IV вв. [Боталов, 2000. С. 225; 255], изготовлены на месте, но формовочные массы их различны. В двух случаях зафиксировано добавление талька при разной концентрации песка, в одном присутствуют шамот и органическая примесь. Сосуды средне- или узкогорлые, с прямой или слегка отогнутой горловиной, собирались из трех частей: плечики и придонная часть

Состав формовочных масс керамики из могильников Зауралья

Могильник	Состав																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Малково			1	1	1													
Дружное												1						
Соленый Дол	1	2		2		1	2											
Большекараганский	1		1	1				3	1									
Магнитный										3	1	1	3					
Солнце-2				4														
Устюг-1	2							2			5	2	9	4	8	2	2	1
Козлов Мыс	2											1		3	1			

Примечание: 1 – шамот, песок; 2 – шамот, органика; 3 – тальк разнокалиберный, песок; 4 – шамот, органика, песок; 5 – тальк, песок разнокалиберный; 6 – тальк, песок; 7 – шамот, песок, жженая кость; 8 – мелкий песок, органика; 9 – тальк, мелкий песок; 10 – тальк, песок разнокалиберный, шамот; 11 – шамот, мелкий песок; 12 – шамот, песок разнокалиберный; 13 – мелкий песок, жженая кость; 14 – песок разнокалиберный; 15 – мелкий песок; 16 – шамот; 17 – песок разнокалиберный, органика; 18 – жженая кость (в графах таблицы цифрами указано количество случаев нахождения таких составов формовочных масс)

«склеивались» в месте максимального диаметра, к ним крепилась верхняя часть (рис. 2, 4–7). Край венчика уплощен и отогнут. Изначально сосуды были круглодонными, в одном случае дно сделали уплощением. Образец с очень тонкими стенками изготовлен при помощи «выбивки». Посуда заглажена и слегка залощена. Орнамент зафиксирован только на одном горшке в зоне горловины и плечиков, выполнен с использованием уголкового штампа (рис. 2, б). Следует отметить, что могилы с данной керамикой – подбойные, а антропологические характеристики индивидов сближаются с данными по Соленому Долу [Китов, 2013. С. 532–533].

В коллекции Большекараганского могильника просмотрены семь заглаженных и залощенных сосудов из захоронений II–V вв. в курганах 8, 18, 19 и 20 [Боталов, 2000. С. 251, 225. Рис. 3]. В формовочных массах выявлены тальк и песок разной концентрации, шамот, органическая примесь в небольшом количестве (см. табл.). Красноглиняный кувшин с желобками на горле [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 7, III, 3] произведен на месте по привозным образцам. Один из большекараганских сосудов имеет отличия по составу глинистого материала, он белого цвета, в качестве отощителя взят мелкий калиброванный песок, есть следы ангоба зеленого цвета, что позволяет сделать вывод о его импортном происхождении. Разнообразие рецептур и форм в посуде Большекараганского могильника (кувшины, горшки, банки, кружки, крынки, блюда, котлы, хумчи, кубические емкости) коррелирует с разнооб-

разием погребальных конструкций могильника: круглые, квадратные, длинные курганы, склепообразные, могилы с отвесными стенками, с колодами, подбоями, нишами. Значительная часть этой привозной посуды происходит из Приаралья, например, кружки с вертикальной ручкой, котлообразные емкости с ручками, украшенными шишечками, имитирующие гуннские котлы; наlepной орнамент в виде полос и колец [Левина, 1996. С. 188. Рис. 63, 65; Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 10–11]. Однако широкодонные кувшины с толстым отогнутым краем, узкогорлые кувшины с приземистым туловом и широким дном [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 9–57; 10–10, 12] в этом круге гончарных изделий аналогий не находят. Последние формы характерны для салтово-маяцкой культуры, известны в раннебулгарских памятниках [Багаутдинов, 1993. Рис. 2, 1; Богачев, Зубов, 1993. Рис. 7, 2]. Фрагменты салтовских кувшинов тоже найдены на памятниках бакальской культуры, например, Усть-Утяк, где они также являются импортом³. Утолщенный плоский бортик с подлепом ленты находим в каунчинских хумчах V в. [Левина, 1971. С. 152. Рис. 52, 3]. Широкодонные кувшины и декор из валиков на горле считаются не характерными для приаральских памятников, а происходящими с предгорьев Тянь-Шаня и Южного Казахстана, как и красный «пачкающий» ангоб, ангоб белого цвета [Левина, 1996. С. 193–194].

³ Благодарим А. И. Кайдалова за возможность ознакомления с керамическим материалом.

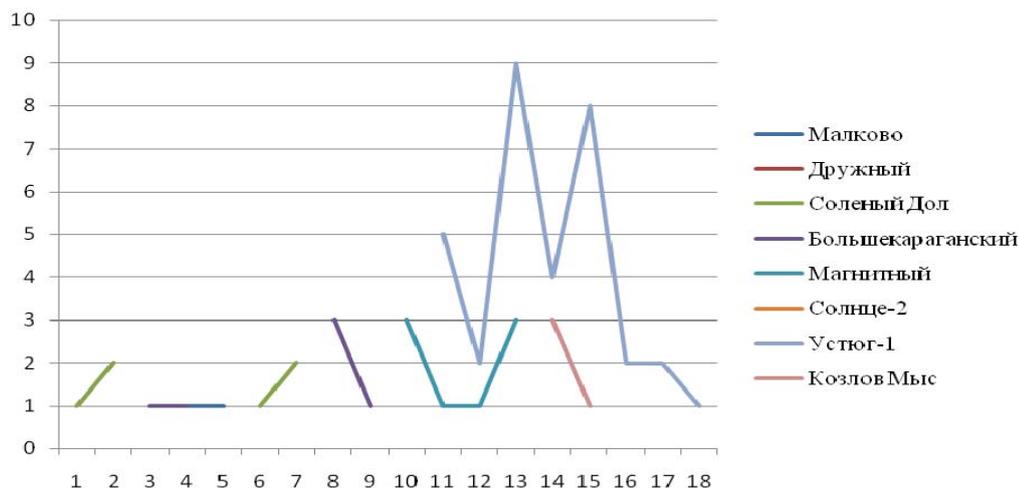

Рис. 3. График распределения могильников степного и лесостепного Зауралья по рецептуре формовочных масс керамики (сведения о составе примесей в керамике могильников Устюг-1 и Козлов Мыс-2 даны по: [Матвеева, Кобелева, 2013. Табл. 1, 2, 4]). По горизонтальной оси указаны типы формовочных масс, а по вертикальной – количество случаев нахождения формовочных масс данного типа для каждого могильника

Залощенный изнутри и снаружи сосуд из могильника Дружное, датированного IV–V вв. [Боталов, 2000. С. 255. Рис. 11, 2], в составе теста обнаружил мелкий калиброванный песок и жженую кость, что позволяет его отнести к импорту. В опубликованной части коллекции есть банка с криволинейными резными узорами на поддоне из кургана 4 [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 12, II, 3], похожая на посуду из комплексов Джетыясар-3 [Левина, 1996. Рис. 79]. Могильные ямы данного могильника относятся к разряду прямоугольных с отвесными стенками.

Прилощенный горшок из могильника Солнце-2 [Боталов, 2009. Рис. 39, 15] сделан с уплощенным скошенным дном и наклонным устьем из теста с большим количеством шамота в крупных фракциях, песком и органикой. Конструировался из трех частей: плечики и придонная часть лепились в месте максимального диаметра, потом присоединяли горловину. Изначально сосуд был круглодонным, дно сделали уплощением придонной части.

В итоге керамику, изученную с точки зрения состава формовочных масс и способов конструирования из могильников Южного Зауралья (см. табл.; рис. 3), можно разделить на две основные группы с условными наименованиями «местная» и «импортная». Привозную отличают калиброванный песок и мелкая жженная кость. «Импортная» керамика изготовлена на гончарном круге, иногда ангобирована (рис. 2, 1–3). Ранее лощеная керамика из аналогичной формовочной массы была найдена в могильнике Устюг-1. Обна-

ружение такой же рецептуры глиняного теста в могильниках степного Зауралья, как и вышеприведенные аналогии, позволяют нам предположительно связать данную традицию, которую мы сначала называли «среднеазиатской», со степной зоной Южного Урала – Приаралья⁴. В местную посуду попали приземистые горшки с округлым дном, низкой горловиной и «бедным» орнаментом по венчику и горловине в виде отпечатков гребенки, нарезок, «защипов», разнообразных вдавлений, типичные и для поселенческих памятников (рис. 2, 4–7). Традиционными отошителями в южноуральской посуде являются шамот и органика (см. рис. 3). Она вся – ручной лепки, представлена среднегорлыми или узкогорлыми сосудами, со средней и высокой шейкой. На поверхности обнаружены следы заглаживания и лощения.

При сравнении степной южно-уральской посуды с бакальской лесостепной выявлены как сходство, так и отличия в формах, рецептуре формовочных масс и обработке поверхности. Сходство объясняется саргатским наследием в гончарстве, оно выражено в преобладании баночных и горшечных круглодонных форм, как уже ранее отмечалось [Боталов, 2009. С. 239], и рецептов на основе песка и шамота [Матвеева, Кобелева, 2013. С. 76]. Проявившееся в бакальской культуре

⁴ Авторы не ставили задачу определить происхождение всех импортных изделий данных памятников, а планировали только выяснить истоки гончарной традиции с использованием жженной кости.

заимствование от карымских мигрантов чашевидных круглодонных форм и орнаментами фигурными штампами в керамическом комплексе, оформления венчиков карнизиками, на Южном Урале не фиксируется. Поэтому таежный импульс инноваций на территории северной лесостепи надо считать угасшим.

За счет заимствования ряда приемов гончарства с юга и более раннего проникновения кочевников с приаральскими гончарными изделиями, уже на большекараганском этапе II–III вв. в гунно-сарматских памятниках Южного Урала появились лощение, добавка органики для большей пластичности масс, изготовление узкогорлых кувшинов и плоскодонных горшков и банок. На друженском этапе гунно-сарматского историко-культурного комплекса новации в местном керамическом комплексе проявились в расширении круга заимствованных в культуру новых форм: сковород, ваз, кружек, котловидных емкостей, связанных с престижными элементами кочевого быта. Можно указать на доминирование плоскодонных емкостей среди других сосудов в выборках, что является среднесарматским наследием, а также на обилие прямого импорта станковой ангобированной посуды из разных мест Средней Азии, что, по-видимому, связано с прямым переселением кочевых групп из районов долины Сырдарьи. Сходны и принципы трехчленного конструирования керамики, однако, прямого совпадения формовочных масс мы не видим. Поэтому поставленный вопрос об источниках традиции лепки с добавлением жженой кости пока остается открытым.

Интересно, что как новацию в гончарстве друженского этапа, а также в орнаментике бакальской культуры, можно отметить глубокое насечение бортиков сосудов, придающее им волнистый характер и представляющее зачастую их единственный декор, а также пояски из пальцевых вдавлений [Боталов, 2009. Рис. 41, 44]. Истоки этих приемов также находим в отрарско-каратауской культуре предгорьев Тянь-Шаня и на джетысарской керамике, где они появляются, по мнению Л. М. Левиной, не ранее IV в. [1971. Рис. 61–27. С. 197, 200].

Отметим, что именно такие способы декорирования⁵ надолго вошли в традицию

⁵ Впрочем, нарезки по бортику были характерны для кухонной посуды в предшествующей саргатской традиции, но выполнялись они по-другому – тонким инструментом наклонно и разреженно.

бакальского гончарства Тоболо-Ишимской лесостепи, что позволяет нам видеть влияние на местное керамическое производство тех же мигрантов с территории современного Казахстана, проникнувших и в степи Южного Урала, и в лесостепь Зауралья. Однако бытование круглодонных горшков на всем протяжении существования бакальского гончарства и относительно быстрый выход из моды керамических кувшинов в Тоболо-Ишимье, несомненно, указывает на то, что в лесостепи влияние переселенцев на хозяйственную жизнь быстро ослабевало.

Поскольку новации в местном гончарном производстве затронули все этапы изготовления емкостей и на несколько веков изменили облик традиционной материальной культуры, то полагаем, что наряду с оригинальными привозными образцами на выпуск нового ассортимента посуды, ее формовку и декор повлияли именно сами переселенцы, оседавшие на окраинах степи, а не только активизировавшаяся торговля в регионе.

С заключением о появлении мигрантов с чуждыми гончарными традициями на Южном Урале согласуются и выводы Е. П. Китова о смешении биологически различных групп населения, но имеющих практически одинаковый тип преднамеренной деформации голов, а также о наличии у них травм военного характера [2013. С. 533, 537]. О направлениях миграционных связей между древними жителями Урала и палеонаселением Средней Азии говорит и близость характеристик мужских групп из курганов Южного Урала и могильника Туяк-4 в Киргизии, а также населения Средней Сырдарьи и Таласа [Там же. С. 536].

Таким образом, мы обнаружили общий компонент в памятниках лесостепного и степного Зауралья: Солёный Дол, Дружное, Магнитный и Устюг-1 – гончарную инновацию с технологией жженой кости и формами кружек, кувшинов и ваз, объясняемую волной мигрантов, расселившихся из одного центра, возможно, предгорья Тянь-Шаня, в III в. Однако на Южном Урале помимо этой инновации можно выделить еще несколько переселений, связываемых с разными формами погребальных сооружений и разнообразием керамических изделий (кувшинов, курильниц, котлов, сковород), исходящих с территорий Средней и Нижней Сырдарьи в III–IV вв. (см. рис. 1). Ослабленное влияние этого керамического комплекса также проявилось в лесостепи в виде специфических форм декора бакальской посуды.

Список литературы

Багаутдинов Р. С., Набоков А. В. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 4–12.

Богачев А. В., Зубов С. Э. Бруснянский-2 могильник ранних болгар // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 19–41.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.

Боталов С. Г. Поздняя древность и Средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. Т. 2. С. 207–430.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки. Историко-археологическая реконструкция. Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.

Викторова В. Д., Морозов В. М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 173–192.

Иванов А. А., Плешанов М. Л. К вопросу о появлении «римского» импорта в урало-казахстанских степях // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 485–492.

Китов Е. П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 519–544.

Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. М.: Наука, 1971. 252 с.

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Вост. лит., 1996. 396 с.

Любчанский И. Э. Могильник Солёный Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи «поздней древности» // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 280–297.

Матвеева Н. П., Кобелева Л. С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3. С. 68–78.

Сальников К. В. Исетские древние поселения // СА. 1956. Т. 25. С. 189–214.

Материал поступил в редколлегию 10.04.2014

N. P. Matveeva¹, L. S. Kobeleva^{2,3}

¹ Tyumen State University
25 Lenin Str., Tyumen, 625003, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography of the SB of the RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

³ Laboratory «Interdisciplinary study
Archaeology of Western Siberia and Altai»
61 Lenin Ave., Barnaul, 656002, Russian Federation

lilyakobeleva@yandex.ru

**EVIDENCE OF MIGRATION IN THE REGION OF TRANSURAL
OF THE EPOCH OF GREAT MIGRATION ACCORDING TO THE CERAMIC
MATERIALS OF THE BURIAL GROUNDS**

Purpose: The article is devoted to the problems of cultural genesis II–IV centuries AD on the territory beyond the Urals. For this transition period two cultural formations are distinguished: Hun-Sarmatian historical and cultural complex which was formed on the basis of Late Sarmatian in the steppe zone and developing Bakalskaya culture in the forest-steppe zone, which replaced just the previous Sargatskaya culture in the middle of the IV century. The authors of the article relying on the study of ceramic collections are exploring the question of how the superstrate cultural genesis components were similar or different in these areas. Analysis of the forms and manufacturing

diverse dishes from six burial grounds of Southern Transural was performed using a binocular microscope in order to compare the characteristics of ceramics with the results previously obtained in forest-steppe selection.

Results: In the II–III centuries in Hun-Sarmatian sites of Southern Urals polishing, organic additive for better plasticity of mass, production of narrow-necked jugs and flat-bottomed pots and jars appeared. These pottery techniques were taken from nomads from the Aral Sea region. In the next step of Hun-Sarmatian historical and cultural complex innovations in local ceramic complex appeared in expanding the range of new borrowed forms: frying pans, vases, pitchers, bronze vessels, connected with the prestigious elements of nomadic life. The dominance of flat-bottomed vessels over other vessels in the selections, as well as plenty of direct import of machine-engobed dishes from different parts of Central Asia can be noted. This is probably connected with direct migration of nomadic groups from areas of the Syr Darya river valley. We found similar principles of trino-mial construction of ceramics but we do not see the entire consentaneity of molding compounds. Therefore, the question of the sources of the tradition of modeling with the addition of burnt bone remains open.

Conclusion: We found a common component part in the archaeological site of forest-steppe and steppe Transural, that is pottery innovation of using burnt bones technology and shapes of mugs, jugs and vases, that can be explained by a wave of migrants who settled from one center, possibly from the foothills of the Tien Shan in the III century. In the southern Urals it is still possible to mark out several relocations of nomads associated with different forms of burial structures and a variety of pottery (jugs, incense burners, boilers, frying pans), originating from the middle and lower areas of the Syr Darya in the III–IV centuries, weakened influence of the latter was also demonstrated in forest-steppe in the form of specific forms of decoration Bakal dishes.

We documented that the repeated movement of nomads in the steppe zone and their invasion into forest-steppe introduced innovations into the local pottery production that affected all stages of manufacture of ceramic crockery. It was concluded that along with the original imported samples, the production of a new range of tableware, its molding and decoration was influenced by immigrants themselves who settled on the outskirts of the steppe, and not only by trade in the region that became more extent.

Keywords: Transural, II–IV century AD, cultural genesis, pottery manufacturing technology.

References

Bagautdinov R., Nabokov A. Novye materialy o pogrebal'nom obryade rannikh bolgar na Volge [New materials for funeral rites early Bulgarians on the Volga], *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii* [New in medieval archaeology of Eurasia], Samara, Istoriko-kul'turnaya assotsiatsiya «Artefakt» Publ., 1993, p. 4–12. (in Russ.)

Bogachev A. V., Zubov S. E. Brusyanskii-2 mogil'nik rannikh bolgar [Brusyansky-2 burial early Bulgarians]. *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii* [New in medieval archaeology of Eurasia], Samara, Istoriko-kul'turnaya assotsiatsiya «Artefakt» Publ., 1993, p. 19–41. (in Russ.)

Botalov S. G., Gutsalov S. Yu. Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei [Hun-Sarmatians Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2000. 267 p. (in Russ.)

Botalov S. G. Pozdnyaya Drevnost' i Srednevekov'e [Late Antiquity and the Middle Ages]. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zauralya* [The ancient history of South Transural]. Chelyabinsk, 2000, vol. 2, p. 207–430. (in Russ.)

Botalov S. G. Gunny i tyurki. Istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya. [Huns and Turks. Historical and archaeological reconstruction]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2009, 672 p. (in Russ.)

Viktorova V. D., Morozov V. M. Srednee Zaural'e v epokhu Pozdnego zheleznogo veka [Average over the Urals during the Late Iron Age]. *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepei* [Nomads of the steppes of Ural and Kazakhstan]. Ekaterinburg, 1993, p. 173–192. (in Russ.)

Ivanov A. A., Pleshanov M. L. K voprosu o poyavlenii «rimskogo» importa v uralo-kazakhstanskikh stepyakh [On the question of the emergence of «Roman» imports in Ural-Kazakhstan steppes]. *Gunnskii forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziiskikh gunnov* [Hun forum. Identification of the origin and culture of Eurasian Hun]. Chelyabinsk, 2013, p. 485–492. (in Russ.)

Kitov E. P. Naselenie pozdnesarmatskogo perioda Yuzhnogo Urala i Zapadnogo Kazakhstana [Late Sarmatian period population of the Southern Urals and Western Kazakhstan]. *Gunnskii forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziiskikh gunnov* [Hun forum. Identification of the origin and culture of Eurasian Hun]. Chelyabinsk, 2013, p. 519–544. (in Russ.)

Levina L. M. Keramika Nizhnei i Srednei Syrdar'i [Ceramics Lower and Middle Syrdarya]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 252 p. (in Russ.)

Levina L. M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya [Ethno-cultural history of Eastern Priaralye]. Moscow, «Vostochnaya literatura», 1996, 396 p. (in Russ.)

Lyubchanskii I. E. Mogil'nik Solenyi Dol i ego mesto v kul'ture kochevnikov Yuzhnogo Urala epokhi «pozdney drevnosti» [Burial Solenyi Dol and its place in the culture of the nomads of the South Urals era «Late Antiquity»]. *Gunnskii forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziiskikh gunnov* [Hun forum. Identification of the origin and culture of Eurasian Hun]. Chelyabinsk, 2013, p. 280–297. (in Russ.)

Matveeva N. P., Kobeleva L. S. K voprosu ob iskhodnykh komponentakh rannesrednevekovogo kul'turogeneza lesostepnogo Zaural'ya (po dannym izucheniya goncharstva) [On the initial components of the early medieval kulturogenез Transural steppe (according to the study of pottery)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, ethnology and anthropology]. Tyumen, IPOS SO RAN Publ., 2013, no. 3, p. 68–78. (in Russ.)

Salnikov K. V. Isetskie drevnie poseleniya [Iset' ancient settlements]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1956, vol. 25, p. 189–214. (in Russ.)